

18+ Николай Вычужин-Костылецкий

Бич Божий и Последний Римлянин

О героях Великой Скифии и реальных событиях V века

Николай Вычужин-Костылецкий Бич Божий и Последний Римлянин. О героях Великой Скифии и реальных событиях V века

*<https://litres.ru/74149024>
ISBN 9785007000383*

Аннотация

Два подростка, скиф и ромей, оба потерявшие своих отцов, дают друг другу клятву на крови, в том, что будут поддерживать друг друга не жалея жизни в процессе достижения своих фантастических целей.

Скиф собирается стать императором Великой Скифии, а ромей императором Романской империи. И это им почти удается.

Скиф Атей становится императором созданной им объединенной Великой Скифии, а ромей Аэтий, став трехкратным консулом и командующим войсками Романской империи, погибает в одном шаге от трона.

Содержание

Пролегомена о начальном событии	7
Предварение о географии	10
Глава 1. Феодосий Старший	13
Глава 2. Епифаний Кипрский, финикиец, епископ Саламина	17
Глава 3. Русколань и Сарматия	20
Глава 4. Равенна	24
Глава 5. Борисфенида. Встреча	28
Глава 6. Вар и Самара	33
Глава 7. Кипящий Вар, он же Непра- Непроходимая река	37
Глава 8. Пещера над морем	42
Глава 9. Русколань	46
Глава 10. Поход на Дон и Алатырь	48
Глава 11. Алатырь	50
Глава 12. Дорога на Кияр	53
Глава 13. Засада	56
Глава 14. Сражение с персами у Кияра	59
Глава 15. Встречник	64
Глава 16. Воибор	67
Глава 17. Из Сарматии в Галлию. Поход	73
Глава 18. Милица	81
Глава 19. Атей и Милица	85

Глава 20. Прибрежный ветерок	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Бич Божий и Последний Римлянин О героях Великой Скифии и реальных событиях V века

**Николай Вычужин-
Костылецкий**

© Николай Вычужин-Костылецкий, 2026

ISBN 978-5-0070-0038-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть о героях Великой Скифии и Романской империи
V века.

Повесть написана по мотивам реальных событий, происходившим на территориях Imperium Romanum —Романской империи, Великой Скифии и прилегающих государств с реально существовавшими героями. Герои и события описаны

античными авторами во многих источниках, отражены историками в летописях и книгах более поздних веков.

Прологомена о начальном событии

21 августа 1852 года император Николай I Высочайшим указом утвердил 862 год в качестве «начального события российской государственности», поскольку на это указал Нестор, титульный автор Повести Временных Лет (ПВЛ).

Да, Северная Русь, именовавшаяся также Словенской, Лесной, Подсолнечной, Холмгардской и Гиперборейской Русью, страна, образовавшаяся на северо-востоке Европы, и, ставшая предшественницей и основой современной Руси/России /Российской империи, очевидна как данность.

Однако, в этой парадигме, Южная Русь как серия государств, с ее героями, воеводами, царями 1—8 веков н.э., а именно киммерийцами, таврами, скифами, тавроскифами, сарматами, аланами, роксоланами, северянами/савирами и другими народами, вообще вычеркнута из истории Руси.

По мнению западных ономатетов, сторонники которых в существенных количествах среди политиков и историков-медиевистов на Руси до сих пор имеются, её, Южной Руси, как бы не было и нет.

То есть тавры, тавросы, киммерийцы, скифы, тавроскифы, сарматы, унны/уны, русы и аланы, они же роксоланы и росомоны, северяне-сиверцы жили на той же территории, то есть на Сарматской, а ныне Русской равнине, но были записаны кочевниками, государственности и письменности не

имели, предками или даже родственниками русов и славян не были. Это были как бы другие народы, выглядели, если верить Аммиану Марцеллину, звериным образом, а потом исчезли в незнамо куда.

Тем не менее, о гораздо более глубокой древности славян и русов, писали в своих трудах многие историки славянских народов Европы. О южной, гораздо более древней южной прародине Руси, писал в своих трудах по истории гений русского народа Михайло Ломоносов.

Император византийский Константин Багрянородный (905—959) и византийский историк Лев Диакон (950—992) считали, что тавроскифы-скифы-гунны-россы-руссы это один народ. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что Таврида/Таврика, Северное Причерноморье и, в целом Циркумпонтийская Ойкумена, — одна из южных прародин русов и славян, Руси и России.

Гней Помпей Трог (лат. Gnaeus Pompeius Trogus) — древнеримский историк I века до н. э., автор всемирной истории «*Historiae Philippicae*» («Филиппова история») в 44 книгах, вообще утверждал, что скифы имели государственность уже за 36 веков, как он выразился, — «до нашего времени».

Мы понимаем, о каком времени идет речь, если учесть, что отец Трога служил при Цезаре (100—44 годы до н.э.) в качестве секретаря и переводчика, а при написании «Филипповой истории» Трог использовал труды Геродота (484—425 годы до н.э.), Ктесия, Эфора, Тимея (345—250 годы

до н.э.), Полибия, Диодора.

Гней Помпей Трог имел возможность пользоваться древними египетскими фондами Александрийской библиотеки, которая тогда, ещё до походов Цезаря, была цела.

Трог утверждал, что скифы трижды завоевывали Переднюю Азию, вплоть до Египта и владели ею в первый раз с XXXVI по XX века до н.э. и выиграли научный спор у египетских жрецов о древности государства и народа. Те признали, что скифское государство его народ появились раньше египтян.

В приведенной здесь повести «Бич Божий и Последний Римлянин», как раз и рассказывается о создании в IV — V веках от Рождества Христова одного из таких древних государств на территории Сарматии и в целом Европы.

Предварение о географии

В конце IV-го, начале и середине V века в Средиземноморской Ойкумене действуют: Римская империя, Персидская империя, Великая Скифия и Вандальское королевство, созданное в Испании вандалами, аланами и свевами в первом десятилетии V века.

Через поколение, под давлением Римских легионов и их федератов, — западных готов, основная часть вандалов и аланов, в 429 году перемещается в Северную Африку Там вандалы, аланы и свевы создают Вандальское королевство Северной Африки со столицей в Карфагене.

Западные готы до прихода вандалов и аланов занимавшие провинцию Аквитанию в Южной Галлии, а затем, после ухода в Африку основной части вандалов и аланов, вместе со свевами и оставшимися аланами, создают в Испании и Аквитании королевство западных готов.

А в это время, на севере Галлии. Хлодио Длинноволосый, глава салических франков в 427—428 годах с большой армией переправляется через Ренус/Рен, проходит через Угольный лес и овладевает городом Турне, а оттуда направляется в сторону Моря Фризов, доходит до Камбре. Здесь Хлодио Длинноволосый дает приказание умертвить мечом всех римлян, которые жили в Камбре. В VI веке его потомки создадут на севере Галлии Королевство Меровингов.

Параллельно этому, на северо-восточных берегах верховьев Данубия/Дуная и верховьев Ренуса в V веке образуется союз аламанских племен (алеманны), вышедший из союза свевов. В VI веке земли аламанов будут присоединены к Королевству Меровингов в форме герцогства Аламания.

Римлянам в пятом веке, ещё удастся удержать некоторые порты в Тарраконской Испании (лат. *Hispania Tarraconensis*) и Нарбоннской Галлии, поскольку через них поступает хлеб из Северной Африки.

В это же время, в Циркумкаспийской Ойкумене, за Каспием на Юг и Восток, с ядром в виде Бактрии и Согдианы, расширяется Держава Эфталитов, контролирующая торговые пути из Средиземноморья в Индию, и, из поставляющей шелк далекой Серики на Востоке.

Римляне-romeи еще называют Средиземное море- *Mare Nostrum*-Наше Море, но это уже было преувеличением, скорее традицией. Западная приморская часть Средиземного моря уже контролируется вандалами (вендами), аланами, свевами, и фракийскими гетами (западными готами), создавшими свои королевства в Северной Африке, Испании и в Аквитании, — южной провинции Галлии.

Все эти народы, говорящие на одном наречии, выходцы из одного ареала обитания: от реки Матера (Ра/Волга) на Востоке до реки Лаба на западе, Сарматского (Ледовитого) океана на севере, Дуная-Данубия, Черного моря и Кохасийских гор (Кафкас) на юге.

В Передней Азии и Анатолии империю ромеев с востока теснит империя персов. С севера надвигаются конные армии Скифо-Сарматии, занявшие земли северного берега Дуная и римскую провинцию Паннония.

Лоскутная империя ромеев трещит по швам. Взоры греко-римлян с надеждой обращены на Восток, на Константинополь. Константинополь — великолепный город на стыке миров, наследник Рима и страж проливов между Азией и Европой. С высоты полёта птицы он кажется неприступным: мощные стены с многочисленными башнями, купола храмов, блеск вод Босфора.

Но и вокруг него уже появляются армии гетов-фракийцев (западных готов), остроготов (восточных готов), армии объединения народов Скифии и Сарматии. Со стен Константинополя уже виден стелющийся по равнине дым костров. В вечернем свете золотые шлемы варварских вождей мерцают, как предвестники надвигающегося пожара.

Глава 1. Феодосий Старший

Январь 395 года от Рождества Христова. Год Огненной Векши по тотемному календарю вендов. В Медиолануме, зимней столице Запада империи ромеев, стоит промозглый, сырой день. Туман, поднявшийся с равнин Падуанской низменности, обволакивает стены императорского дворца, скрывая башни и галереи в молочной дымке. Внутри же, за тяжёлыми дверями Священного дворца тихо — так тихо, как бывает только там, где ожидают чрезвычайного события.

В покоях, пропахших ладаном и настоями лекарственных трав, на высоком ложе лежит император Феодосий Старший, которого впоследствии историки назовут Первым и Великим. Лицо его осунулось, некогда мощные плечи ослабли, но в глазах ещё теплился тот самый огонь, что позволил ему объединить империю после смут и междоусобиц. Теперь этот огонь мерцал, словно лампада перед угасанием.

У изножья кровати в кресле сидит магистр милитум — Флавий Стилихон. Его военная выправка казалась чужеродной в этой полутемной комнате, где власть уже не приказывала, а вспоминала. Он молчит, но рука его покоится на свитке с печатью — эдикте, что лежит рядом на столике.

Император медленно поворачивает голову.

— Я чувствую, что скоро придётся держать ответ перед богом, — произносит он глухо. — Медикусы ещё что-то обе-

щают, но я знаю. Время моё истекло.

Он перевёл взгляд на свиток.

— Здесь подтверждено твоё звание магистра-милитума, командующего войсками всей империи. Всей, Стилихон. Я допустил ошибку, разделив её между сыновьями. Империя — не наследство, которое делят, как земли или золото. Это бремя. А мои сыновья ещё мальчишки.

Слова даются ему тяжело, но в голосе нет ни сожаления, ни страха — лишь трезвая, поздняя ясность.

Стилихон склоняет голову.

— Гонорию одиннадцать, государь. Я присмотрю за ним и за Западом. Но Аркадию скоро восемнадцать. Рядом с ним Руфин. Он не пожелает соединять Восток и Запад. Ему выгодна разделённая власть.

Император едва заметно усмехнулся.

— Руфин.. умный, но интриган и взяточник. Он думает, что правит людьми, но правит лишь страхом и лестью. Восток — не игрушка для придворных хитрецов. Империей управляют не шёпотом в ухо, а железом и кровью. Руфин не боец и не полководец. Его враги скоро сами решат его судьбу. Прикончат.

Тишина вновь опустилась на комнату. За окнами глухо перекликались караулы. Феодосий закрыл глаза на мгновение, словно собираясь с последними силами.

— Но не о нём я думаю больше всего, — прошептал он, — Аларикс, вот кто меня беспокоит.

Имя прозвучало, как отдалённый раскат грома.

— Готы служили мне, — продолжал император. — Я дал им земли, принял их в армию. Аларикс — не просто варвар. Он честолюбив. Он видел Рим изнутри. Знает нашу силу и нашу слабость. Если его обидят или оттолкнут, он станет проблемой для империи.

Стилихон поднял глаза. В его взгляде мелькнула тревога, но и твёрдость человека, привыкшего встречать опасность лицом к лицу.

— Я удержу империю, — произнёс он.

Феодосий медленно кивнул.

— Удержи её, если сможешь. Не ради меня. Ради Рима.

Он посмотрел куда-то поверх плеча полководца, будто видел не стены покоев, а карту мира: пурпурные провинции, разорванные реками и границами, города, где ещё говорили на латыни и греческом, легионы на Рейне, корабли в Эгейском море. Империя была ещё велика, но трещины уже проходили по её мрамору.

В этот январский день 395 года в Медиолануме решалась судьба не только двух мальчиков — Гонория и Аркадия. Решалась судьба целого мира, который привык считать себя вечным. *Roma invicta, Roma aeterna* — Рим непобедимый, Рим вечный!

И пока в спальне умирающего императора тихо потрескивали светильники, где-то далеко, за Дунаем в Дакии и Сарматии, уже поднимались мощные силы — те, что не призна-

вали ни эдиктов, ни титулов. Риму предстояло узнать, кто станет его разрушителями, а кто последними защитниками.

Глава 2. Епифаний Кипрский, финикиец, епископ Саламина

400 год от Рождества Христова. Год Шипящего Ужа по тотемному календарю вендов.

Остров Кипр.

Вечер опускался на монастырские стены мягко и бесшумно. С моря тянуло солёной прохладой, и в узком оконце кельи дрожал огонёк свечи. Восковой свет ложился на старческие руки, на складки пергамента, на густые строки, выведенные твёрдым, хотя и медленным почерком.

В келье сидит старец — Епифаний Кипрский, епископ Саламина, пастырь и писатель, проживший долгую жизнь среди споров и ересей, странствий и проповедей. Ему восемьдесят пять лет, и каждый новый день он принимает как дар, который нельзя растратить впустую.

Епифаний дописывает строку. Чернила ложатся густо, и слова словно обретают вес:

«В Скифии на Севере проживают вены, а на юге — арии».

Старец остановился, задержав перо в воздухе. Пламя свечи дрогнуло.

Дверь тихо скрипнула. Входит другой монах — моложе, с внимательным и немного тревожным взглядом.

— В этом году, Епифаний, ты пишешь каждый день, —

говорит он негромко, чтобы не нарушать сосредоточенной тишины.

Старец поднял глаза. В них не было усталости — лишь ясность человека, знающего цену времени.

— Бог дал мне восемьдесят пять лет, — ответил он спокойно. — Сколько ещё даст — не знаю. Каждый день дорог.

Монах приблизился к столу, взглянул на исписанный лист.

— О чём ты теперь пишешь, владыка?

— Письмо архиепископу Константинопольскому, — проносит Епифаний, осторожно откладывая перо. — Отчёт о путешествии проповедника Авдия из Месопотамии в Скифию.

Он сделал паузу, будто мысленно вновь проходил дорогами далёких стран.

— И о деяниях Русколанской христианской церкви в Тавриде.

Монах поднял брови.

— *Ecclesia Roxolana*?

Епифаний кивнул.

— Да. Так они сами именуют себя ныне — Русколань или Роксолания. Мы, эллины, уже тысячу лет называем их землю Скифией. Ромеи-латины дали ей имя Сарматии. Но народ живёт не только под тем именами, что дают ему другие народы.

Он провёл пальцами по пергаменту.

— Там в Тавриде и на северных берегах Понта, среди гор, ветров и степей, есть общины, что славят Христа. Их вера ещё молода, но крепка. Они молятся на своём роксоланском языке, помнят древние обычаи, но крест для них уже не чужой знак.

В келье становится тихо. Только треск свечей нарушает покой.

— Мир меняется, — продолжает старец. — Империи делаются, полководцы борются за власть, варвары переходят Дунай. Но слово Божие идёт и дальше — туда, где ни один легион не удержит границы.

Он взглянул в окно, где темнело море.

— Скифия, Сарматия, Русколань.. — медленно произносит он. — Названия меняются. Но души людей остаются. И если там утверждается церковь Христова, значит и на краю степей Господь собирает своё стадо.

Монах молчал, слушая. Перед его внутренним взором вставали далёкие земли — холодные реки, кочевые племена, огни костров под звёздным небом. И среди них — маленькие общины верующих, читающих Писание.

Епифаний вновь взял перо.

— Я должен успеть засвидетельствовать это, — сказал он тихо. — Пока дыхание ещё есть во мне.

Свеча горела ровно. За стенами кельи шумело ночное море, а на пергамент ложились строки, связывающие остров Кипр и Месопотамию с Великой Скифией.

Глава 3. Русколань и Сарматия

400 год от Рождества Христова. Год Шипящего Ужа.

Дворец царя Русколани и Сарматии в провинции Мунтении, на Дунае.

Зимнее солнце холодно отражается в водах великой реки. Дунай катит свои тяжёлые воды мимо укреплённых холмов Мунтении, разделяя миры — и соединяя их. На южном его берегу начинаются земли, которые ромеи называют своими провинциями, а на другом раскинулись Дакия и примыкающая к ней Сарматия — страна всадников, золота, степного и морского ветра, гор, густых лесов и великих рек её пронизывающих.

Во дворце, сложенном из светлого камня и тёмного дерева, в переговорной палате стоял запах дыма и свежей кожи. На стенах висели щиты, копья и римские мечи — трофеи и дары, символы дружбы и вражды одновременно.

За широким столом сидит Великий князь Русколани — Волд, он же правитель придунайской Олтении и Мунтении, южной части Дакии. Лицо его было суровым, но в глазах светилась насмешливая уверенность человека, привыкшего смотреть на империи как на соседей, а не господ. Рядом стоит его сын Харато — молодой, стройный, с живым взглядом и воинской осанкой.

Волд улыбнулся.

— В прошлом году Гайна, командующий восточными войсками империи, отрубил руки и голову Руфину — префекту Константинополя.

Он сделал паузу, наслаждаясь весом сказанного.

— А руки зачем?, — удивился Харато.

— Солдаты Гайны голову Руфина насадили на копье и разгуливали по столице, а отрубленным рукам тоже нашли применение будто бы для подношений тирану. Жители Константинополя представление оценили, и в отсечённые кисти Руфина было вложено немало золота. — А в этом году, по просьбе императора, я отрубил голову самому Гайне и отправил её императору Аркадию.

Харато не отвёл взгляда.

— Гайна был гет-фракиец. Из родственного нам народа.

— Гайна был переметчик, — спокойно ответил Волд. — И острогот. А предателей кто жалеет? Он ошибся, подняв восстание против империи.

— Скорее, против Евтропия и его окружения у престола Аркадия, — заметил сын.

Волд откинулся на спинку кресла.

— А нам-то что? Пусть грызутся. Мы им поможем — и золото за военные услуги получим. Их распри — наш доход.

Харато усмехнулся.

— Судя по количеству золотых солидов и подарков от Аркадия, голова оказалась поистине золотой.

— Так и есть, — кивнул Волд. — Пока Равенна и Кон-

стантинополь спорят из-за Иллирика и главенства в империи, мы в безопасности. Когда у Равенны и Гонория возникнут трудности — окажем помощь и им. Но только если хорошо заплатят. Золотом.

Он провёл рукой по столу, словно сгребая невидимые монеты.

— Они наши учителя. И хорошие.

Харато улыбнулся.

— А мы послушные ученики. Будем действовать по их же принципу: разделяй и властвуй. *Divide et impera!*

Волд рассмеялся.

— Недаром тебя в гимнасии учили латинской премудрости.

За окнами тянулся широкий Дунай — рубеж, который римляне считали границей мира. Но для сарматов он был лишь дорогой.

— А когда мы пойдём по следам Аларикса? — вдруг спросил Харато.

Волд прищурился.

— Зачем нам идти по его следам? Он уже всё собрал.

Он поднялся и подошёл к карте, разложенной на столе.

— Дошёл до Фермопил и Афин — те откупились. Взял Спарту и Коринф. Теперь отсиживается в Иллирике. Но он зубастый. Может пойти и на Запад империи.

— Аларикс — это прозвище? — спросил Харато. — Как его зовут на самом деле?

— Имя его знают только отец и мать, — ответил Волд.
— Говорят, официально он, то ли Алаферн, то ли Олоферн. Имена громкие. Посмотрим, какой он «Аларикс» — «Всех царь».

Он медленно постучал пальцем по западной части карты.

— Пока жив Флавий Стилихон и стоят его легионы, хода на Запад у Аларикса не будет.

— Стилихон — вандал? — спросил Харато.

— Его отец был вандалом, — кивнул Волд. — По крови — варвар. По духу — тоже. Но воспитан ромеями. Потому и полководец умелый и грозный.

В комнате повисла тишина.

Русколань — ядро Сарматии при Волде не стремилась стать империей, Великой Скифией. Её сила была не только в подвижности её конных армий, но ещё и в гибкости царей, в умении ждать. Пока Равенна и Константинополь спорили о первенстве, пока готы искали добычу внутри империи, а евнухи и префекты плели интриги, на берегах Дуная и Северного Причерноморья крепла иная власть — власть тех, кто умел быть союзником и врагом одновременно.

Дунай катил свои воды, не зная ни Рима, ни Русколани. Но люди на его берегах уже понимали: приходит время, когда судьба империй будет решаться не только в мраморных дворцах, но и в деревянных дворцах северных князей. Великая Скифия ждала своего часа, своего императора, который воссоединит ныне рассеяные её земли.

Глава 4. Равенна

406 год от Рождества Христова. Год Златорогого Тура.

Над лагунами стоял влажный воздух. Вода, тростники и узкие каналы делали Равенну неприступной крепостью — убежищем для юного императора, который предпочитал крепость у моря среди болот, защищённые стены, — открытым равнинам Рима. Дворец казался тихим, но за его мраморными колоннами кипела тревога: границы трещали, варвары переходили реки, а империя всё чаще держалась на обещаниях и золоте.

В переговорной палате стояли двое. Император Гонорий — двадцатидвухлетний, с тонкими чертами лица и беспокойным взглядом — ходил вдоль стола. Напротив него спокойно стоял Флавий Стилихон, магистр милитум, человек войны, на чьих плечах держался Запад.

— Что с Радогостом? — резко спросил Гонорий. — Надеюсь, голову ему уже отрубили? Где его голова?

Стилихон не изменился в лице.

— Я обещал ему жизнь, если он и его армия сдадутся. Он выполнил своё обещание. Его оптиматы — двенадцать тысяч лучших воинов — уже служат империи.

Император остановился.

— Этот варвар собирался забрать у нас Этрурию. И утверждал, что его предки владели этой землёй.

Стилихон чуть склонил голову.

— Он показывал мне карту. За Восточными Альпами у них обозначена *Novum Etruria* — Новая Этрурия.

— Его фабулам мы должны верить? — раздражённо бросил Гонорий.

— Похожую карту я видел в Латеранской папской библиотеке, — спокойно ответил полководец.

Император удивлённо поднял брови.

— Да мало ли этрусков и венетов когда-то ушли на север и восток за Альпы. Ещё до Суллы, до Нерона. Да и от их проскрипций бежали сотни семей. Но это не даёт варвару права требовать нашу землю.

Стилихон подошёл к столу и развернул свиток.

— Радогост собирался заселить своим народом только Фезулию — север Этрурии. Земли там почти пусты. Да и не лучшие. Пришедших с ним мы оставим колонами. Пусть обрабатывают землю. Империи нужны хлеб и налоги не меньше, чем победы.

Гонорий сжал губы.

— Если бы не армия гота Сара и сармата Волда, зажавшие его с севера, он бы ушёл.

— Волд прибыл поздно, — заметил Стилихон. — Его конница в сражении не участвовала. Но золото затребовал. Сар — участвовал.

Император усмехнулся.

— Сар был у меня. Требуется передать Радогоста ему. У

паннонских готов Сара большой зуб на него. Говорят, предки Радогоста когда-то вытеснили их из Сарматии.

Стилихон поднял взгляд.

— Сар отрубит ему голову.

Гонорий пожал плечами.

— Нам-то что? Наши руки будут чисты.

В этих словах прозвучала холодная расчётливость, за которой скрывалась тревога. Император понимал: варвары сражаются друг с другом не ради Рима, а ради своих счётов. Сегодня они служат империи, завтра — осаждают её стены.

Стилихон молчал. Он знал, что обещание, данное врагу, — это тоже оружие. Нарушив его, можно выиграть день и проиграть годы.

— Радогост сдался мне, — тихо сказал он. — Не Сару. И не тебе, доминус.

Гонорий остановился.

За окнами шумела вода лагуны, поднимающаяся к стенам крепости во время прилива. Равенна казалась защищённой — но это была защита от внешнего врага. Внутренние же интриги разъедали империю сильнее любой осады.

— Империя держится на верности, — продолжил Стилихон. — Если слово Рима станет пустым, к нам никто не придёт служить. Ни гот, ни франк, ни вандал.

Император отвёл взгляд.

— Делай, как считаешь нужным, — наконец произнёс он. — Но помни: мне нужен покой в Италии.

Стилихон склонил голову.

Покой.. Оба еще не ведали, что в этот год Златорогого Тура, как только Ренус/Рен покроется льдом, сотни тысяч вандалов, аланов и свевов перейдут реку, захватят центральную Галлию, а затем уйдут через Пиренеи в Испанию. Мир менялся тогда быстрее, чем успевали перерисовывать карты. А в Равенне решалась судьба не только одного пленённого вождя и полководца из Скифии, но вместе с ней судьба доверия к самому Риму.

Иногда империя погибает не от удара меча, а от того, что забывает цену собственного слова.

Глава 5. Борисфенида. Встреча

Лето 407 года от Рождества Христова. Год Огнегривого Коня по тотемному календарю венедов.

Портовый городок Борисфенида, остров Березань, устье Непры — Днепра.

С высоты птичьего полёта Борисфенида казалась игрушечной: белёсые стены, крытые черепицей дома, причалы, уходящие в тёмную воду лимана. Остров лежал на перекрёстке ветров и дорог — здесь сходились степь, лес и море, звучали скифская, греческая и латинская речи. Борисфенида — таможенный порт удобное место для оживлённой торговли, где высоко ценилась воинская выучка, те только у охраны порта, но и у таможенников.

У причалов кипела жизнь. Таможенники осматривали трюмы, пересчитывали амфоры с вином и маслом, мешки с зерном, меха и слитки металла. Чайки кричали над мачтами, а волны глухо били в сваи.

Неподалёку, на утопанной поляне, собирались две стайки подростков. С одной стороны — греки-ромей под присмотром старшего наставника; с другой — скифы-русы во главе со своим старшим воином. Это была давняя традиция Борисфениды: раз в год при открытии сезона морского плаванья устраивать поединок между подростками — не ради вражды, а ради праздника.

— От традиции мы отступать не будем! — громко сказал старший грек. — Мы же не боимся скифов?

— Не боимся! — закричали подростки на греческом и латинском. — Дадим бой!

— Выбирайте лучшего!

Из толпы вытолкнули стройного юношу.

— Этиус! Аэтий! Этий!

Старший грек кивнул и повернулся к соперникам.

— Мы сделали выбор. Пойдет Аэтий. Теперь ваша очередь.

Среди скифов зашумели голоса. Звучали имена: Атей! Остой! Наконец вперёд вышел крепкий, широкоплечий подросток — чуть моложе соперника, но с уверенным взглядом.

— Атей! — гулко прокатилось по поляне.

Оба надели кожаные наручи, нагрудники, маски и шлемы — ромейский и русколанский. Взяли щиты и деревянные мечи.

Круг замкнулся. Старшие кратко напомнили правила.

Бойцы сошлись, постучали мечами о щиты — знак уважения — и разошлись.

Сначала — осторожная разведка. Лёгкие удары по щитам, шаги по кругу. Оба двигались уверенно, словно уже знали цену настоящему бою. Неожиданно ромей перевел щит в правую руку, перехватив меч в левую. Сделано это было ловко и быстро. Было заметно, что делал это не в первый раз.

Внезапно ромей прыгнул влево, отбил щитом удар и по-

пытался достать соперника по правой руке. Удачный удар лишил бы Атея щита. Но тот успел отпрянуть и парировал.

Зрители замерли.

Началась стремительная, яростная схватка. Удары сыпались один за другим, щиты глухо гремели. Такого боя Борисфенида давно не видела.

Греки-ромей били в барабаны.

— Бар-рр-ра! Бар-рр-ра!

Скифы-русы грохотали мечами о щиты.

— Вар-рр! Вар-рр!

И вдруг — треск. В перекрёстном ударе оба деревянных меча сломались.

Не останавливаясь, юноши перешли к щитам. Атей мощным толчком выбил щит у соперника, но ромей не растерялся — схватил его за щит, рванул и повалил на землю.

Круг ахнул.

Атей вскочил и бросился вперёд. Началась борьба. И тут стало ясно: в рукопашной он чувствует себя как в родной стихии. Попытка подсечки — ромей увернулся, но Атей дёрнул его на себя, перебросил через бедро и сел сверху.

Победа.

— Атей! Атей! — ревели скифы.

В толпе маленький мальчик выкрикнул:

— Мар-рр-ра! Мар-рр-ра! — Убивай.

Старшие тут же одёрнули его. Это был поединок чести, а не расправа.

Ромей спокойно поднялся, отряхнулся, взял щит и пошёл к своим.

Старший скиф остановил его.

— Надо позвать руку сопернику. По-гречески. Здесь так принято.

Юноша кивнул и вернулся к Атею.

— Но на мечах ты не проиграл, — сказал Атей, протягивая руку.

— Научишь скифским приёмам борьбы? — улыбнулся ромей.

— А ты к нам надолго?

— Думаю, да. У аквитанских гетов в Галлии я был в заложниках три года.

— За три года успею научить, — усмехнулся Атей. — Если скифом станешь.

— Скифом можно только родиться. А ты неплохо владеешь латинским.

— Ну, дурака не валяем.

— Меня-то ты повалял!

Они рассмеялись.

— Как зовут? — спросил Атей.

— Флавиус Этиус. Но здесь меня зовут Аэтий. Или просто Этий.

Атей кивнул.

— Аэтий или Этий будет проще для наших русколан. Это для вас мы — скифы и сарматы.

Они хлопнули друг друга по плечам и разошлись.

— Увидимся! — крикнул вслед Атей.

Подростки уже смешались в одну шумную толпу. Обменивались ремешками, амулетами, монетами. Говорили на греческом, на русколанском, смеялись, спорили.

Борисфенида жила своей особой жизнью — не совсем греческой, не совсем степной. Здесь встречались миры.

И никто из них — ни Атей, ни Флавиус Этиус — ещё не знал, что эта юношеская схватка станет лишь прологом к иным, куда более великим битвам, где им придётся сражаться уже не деревянными мечами, а судьбами народов.

Глава 6. Вар и Самара

Лето 407 года. Год Огнегривого Коня.

Там, где широкая река Вар — Непра — принимала в себя более узкую Самару, раскинулся большой русколанский город. С высоты он напоминал живой узел дорог: вода, степь, холмы, пойменный лес и торговые пути сходились здесь, переплетаясь, как ремни на воинском щите.

Вар катил тяжёлые, тёмные воды — недаром его имя означало «кипящая вода». Ниже по течению скрывались тринадцать порогов, тринадцать каменных гребней, торчащих из стремнины, словно зубы древнего зверя. Самара же была спокойнее, но и она несла свои воды быстро, особенно весной, когда снег в верховьях начинал бурно таять.

На берегу притока кипела работа. Лодьи покачивались у причалов, люди грузили тюки с мехами, мешки с зерном, связки копий и щитов. Лошади фыркали, телеги скрипели. Часть груза должна была идти вниз по воде, часть — по суше, вдоль берега, в обход опасных мест.

У небольшой, двухвёсельной лодьи стояли четверо воинов. Атей и Аэтий — недавние соперники, а теперь друзья — проверяли ремни и крепления. Рядом — их телохранители: жилистый, сухощавый Анатрог с внимательными глазами и могучий, широкоплечий Зверьган, чья тень казалась больше его самого.

Анатрог нахмурился.

— Атей! Ты не забыл, что пообещал отцу, когда он назначил нас со Зверьганом твоими телохранителями?

Атей улыбнулся, но без насмешки.

— Помню. Что буду у вас всегда на виду. Но я уже не мальчик.

— Эта река, сынок, — Вар, — продолжал Анатрог, указывая на стремнину. — «Кипящая вода». Вниз по течению — тринадцать порогов. Вы их не проходили. Лучше бы поехали со мной по берегу. Конями вы владеете лучше, чем вёслами. Или Зверьгана возьмите с собой.

Атей покосился на гиганта.

— Его малая лодья не выдержит.

Зверьган усмехнулся, но промолчал.

Аэтий, внимательно глядя на реку, спросил:

— А Онег разве не с нами пойдёт?

Атей хлопнул себя по лбу.

— Точно. С нами Онег. Он эту реку знает. Пороги проходил не раз.

Словно в подтверждение его слов, к лодье подошёл Онег — довольно высокого роста, крепкий рулевой с загорелым лицом. На плече он нёс толстую верёвку, в руках — надутые воздухом кожаные мешки.

— Пригодятся, — сказал он, укладывая их в лодью. — Хоть вода нынче и высокая.

Анатрог вздохнул.

— Ладно. Если с Онегом — другое дело. Но слушаться его беспрекословно. Он — рулевой. Идите в конце каравана, за большой лодьей. Мы со Зверьганом пойдём по левому берегу, на конях.

По берегу уже выстраивались суда. Лодьи становились одна за другой, носами вниз по течению. Люди перекликались, проверяли весла, крепления, подтягивали ремни.

Атей кивнул Онегу и Аэтию. Втроём они столкнули лодью в воду. Доски закрипели, вода плеснула через борт, но судёнышко уверенно легло на волну.

Зверьган и Анатрог тем временем переправились на другой берег Самары, к телегам. Оседланные кони били копытами землю, чуя предстоящее движение. Часть каравана пойдёт по суше, следя за водным путём и готовясь прийти на помощь, если река потребует жертву.

Лодья с Атеем и Аэтием заняла своё место в хвосте речного каравана. Онег взялся за кормовое весло, внимательно глядя вперёд. Вар шумел, перекачивая воду через скрытые камни.

— Тринадцать порогов, — тихо повторил Аэтий.

Атей усмехнулся.

— Тринадцать — хорошее число. Будет что вспомнить.

Ветер наполнил парус передней лодьи. Караван тронулся.

Вода подхватила суда, и они медленно, но неотвратимо пошли вниз, к порогам. По левому берегу двинулась конная группа — маленькие фигуры на фоне широкой степи.

Река принимала их в своё кипящее лоно.

И каждый понимал: путь по Вару — это не просто дорога. Это испытание. Для дружбы. Для мужества. Для судьбы.

Глава 7. Кипящий Вар, он же Непра- Непроходимая река

Лето 407 года. Год Огнегривого Коня по тотемному календарю вендов.

Река шла широко и спокойно, будто огромный зверь, отдыхающий перед прыжком. Солнце блесело на медленной воде, лёгкий ветер тянул с лугов тёплый запах трав. Лодья с тремя гребцами скользила по глади почти бесшумно. У руля стоял Онег, впереди сидели Атей и Аэтий.

Аэтий долго смотрел на берега — то на высокий, обрывистый, то на низкий, поросший лесом и кустарником, — и, наконец спросил:

— Почему эту реку называют Вар? Анатрог говорил — «кипящая вода». А в бою твои воины тоже кричали «Варрр!». Я подумал — это боевой клич.

Атей усмехнулся, глядя на тёмную гладь впереди.

— У слова «вар» много смыслов. Но главный — «щит», «защита». Пороги защищают нашу землю от врагов. Кипящая вода — тоже защита. Северные русы-вены зовут её Непра — Непроходимая. Южные русы-арии — Вар.

— Мясо в котле тоже варится, — не унимался Аэтий. — Какая же там защита?

— Без кипящей воды мясо бы стorerело, — спокойно отве-

тил Атей. — Вот тебе и защита.

Аэтий покачал головой:

— Вас, скифов, трудно понять.

— Это потому, что вы, греки, букву «щ» выговорить не можете, — засмеялся Атей.

— Я не грек. Я ромей.

— Ромеи тоже не выговаривают ни щ, ни щ. Да и букв у вас таких нет. — Вместо «щит» вы пишете «скит», на картах пишете Скития, греки — Скифия. А мы давно Русколань. Но к чужому имени за тысячу лет привыкли. Проще сказать «Скифия» или «Сарматия», чем объяснять.

Аэтий кивнул — будто понял. Но по его лицу было видно: смысл ускользнул. Атей заметил это и хлопнул его по плечу:

— Не огорчайся. Научим тебя «щ» говорить.

— Ладно, научусь у вас шипеть и свистеть.

Оба рассмеялись.

Смех их оборвался, когда впереди показалась тёмная полоса. В неё уже входила большая лодья — и словно проваливалась.

Онег повернул голову и крикнул:

— Первый порог! Называют: «Не спи»!

И река проснулась.

Лодью втянуло в узкий проход между скальными выступами. Вода здесь не поднималась высокой стеной, но кипела, бурлила, рвала потоками. Каменные гребни то показывались из-под воды, то снова скрывались, будто зубы чудовища.

Течение сжалось между двумя скалами, рвануло вперёд и резко развернуло лодью. Онег удержал первый удар, выправил нос. Но за первой парой гребней уже ждали следующие.

Борт налетел на скрытый под водой каменный хребет. Лодью закрутило. Аэтий не удержался — его выкинуло за борт. Атей прыгнул следом, не раздумывая. Он знал: ромей плавать плохо и, в холодной весенней воде, долго не продержится.

Лодью с Онегом унесло вниз, но рулевой успел бросить им верёвку и надутый воздухом кожаный мешок. Мешок мгновенно подхватил поток и утащил вниз по течению. Верёвку Атей поймал. Обернувшись, он увидел ниже по течению Аэтия. Тот судорожно цеплялся за выступ скалы, вода била ему в грудь. Камень был скользким, течение — беспощадным.

Атей поплыл к нему, но в этот миг руки Аэтия сорвались. Он исчез. Мир на мгновение стал глухим и пустым. Атей нырнул. Холодная, весенняя вода сомкнулась над головой, ударила в уши гулом. Нащупал ткань, плечо, рывком потянул вверх. Они вынырнули оба, хватая воздух.

Мимо проносился ствол дерева. Атей одной рукой ухватился за него, другой удерживал Аэтия. Кричал — но крик тонул в рёве порога. Аэтий тоже ухватился за сук дерева. Бревно понесло их дальше, но вдруг вода стала шире, спокойнее. Порог остался позади. Они отдышались и обернулись.

От берега к ним уже мчалась лодья. На вёслах сидел Ана-

трог, за рулём — Онег. Лодья нагнала бревно. Анатрог, не теряя времени, схватил сначала Аэтия, потом Атея и втянул обоих внутрь. Онег удерживал судно прикнувшее к дереву. Анатрог оттолкнул дерево и, через несколько мгновений лодья уже пошла к берегу.

Там, на высоком берегу, стоял Зверьган, держа на поводу двух коней. Он видел всё — но вмешаться не мог. Лодью вытащили на песок. Развели костёр. Мокрая одежда парила, дым смешивался с запахом реки. Анатрог, глядя на дрожащих от холода Аэтия и Атея, как на щенков после купания, спросил:

— Дальше на конях?

Оба отрицательно замотали головами.

Анатрог усмехнулся.

— Тогда выбирайте: кто с вами дальше пойдёт — Зверьган или я?

Атей, ещё не совсем придя в себя, ответил:

— Ты. Если Зверьган сядет в нашу малую лодью, она сразу пойдёт на дно.

Даже Зверьган хмыкнул. Смех вышел немного сиплым, но живым — смехом людей, которые только что вырвались из мощного, кипящего водного потока. Вскоре четверо снова заняли места в лодье. Анатрог встал к рулю. Зверьган взял коней и пошёл по тропе вдоль высокого берега.

А впереди снова лежал Вар — кипящий щит земли, Непра-Непроходная река, которая не только защищала, но и

испытывала каждого, кто осмеливался идти по её воде.

Глава 8. Пещера над морем

Лето 408 года. Год Тёмного Соха. Сурож — крепость у Понта Эвксинского, именуемого также Скифским морем и морем Споров. Морем имевшим множеством имен.

Чайка парила над морем, потоки прибрежного ветра позволяли ей удерживаться высоко над морем, едва покачивая крыльями. Внизу под скалами высокого берега раскинулась тёмная вода, усыпанная солнечными бликами. Слева, вдалеке, белели стены крепости Сурож — каменного стража Таврики у моря.

В одной из расщелин этой горы, почти незаметной снизу, пряталась пещера. К ней вела узкая тропинка, петлявшая по склону. В сухую погоду по ней можно было пройти, цепляясь за выступы скалы и страхуясь верёвкой. В дождь же, камень становился скользким, и один неверный шаг означал падение — не в воду, а на острые камни далеко внизу у подножия скалы. В пещере разводят костёр двое юношей — Атей и Аэтий.

Оба в скифских одеждах — в длинных рубахах туникообразной формы. У вертикального разреза рубы от шеи вниз шло вышитое плетение из солярных знаков. Внизу разреза сияла восьмилепестковая звезда — символ Света. Ещё ниже по ткани тянулся пояс из маленьких львов с поднятой лапой — древний знак силы и стражи. На боку у каждого висел

колчан со стрелами и короткий скифский меч — акинак.

Атей подбросил в огонь сухие ветки и сказал:

— Тропинку к этой пещере мне показал Анатрог. Со стороны крепости она не видна. Сюда можно забраться только в сухую погоду. А в дождь — сорвёшься и костей не соберёшь. Можно спуститься по верёвке сверху со скалы.

Аэтий подошёл к самому краю пещеры и посмотрел вниз. Море отсюда казалось далёким и спокойным, но под скалой виднелись острые зубья камней.

— До воды не долететь, — тихо сказал он. — Упавший разобьётся раньше.

В этот миг мимо пролетела чайка — почти на уровне их глаз.

Аэтий проводил её взглядом.

— Эх, хотел бы я вот так полетать над морем...

Атей усмехнулся:

— Человек — существо ушное. Когда-нибудь снова научится летать. Вспомнит, как прашуры летали.

— Аполлон летал, — оживился Аэтий. — На колеснице с лебедями.

— Заметь, — спокойно ответил Атей, — что каждую зиму он летал к нам на север, в Гиперборею. Он наш. И мать его Лето была из наших, и жена — дочь царя гипербореев Фемисто. Так что, если кто первым снова полетит — так это мы, русы.

Аэтий рассмеялся:

— Судя по тому, как вы на конях летаете, — может быть. Он обернулся к другу и прищурился:

— А почему ты показал мне эту пещеру и попросил надеть скифскую рубу? Не просто же так.

Атей сел у огня, глядя, как пламя лижет сухую ветку.

— Ты хотел изучать наши обычаи. Вот я и собирался рассказать тебе, что значат знаки на рубе. Здесь место подходящее.

Аэтий покачал головой.

— Ты хитёр, Атей. Мне кажется, дело не только в знаках. Атей поднял на него глаза и улыбнулся.

— Догадался. Через неделю в Сурож придёт пять сотен всадников, вернее десять полусотен. Пойдут на Дон, потом к Кохасийским горам, к двуглавному Алатырю, у подножия которого стоит в город-крепость Кияр. Царь Дано и мой стрый, брат моего отца, — князь Яровит, разрешили взять тебя в поход. Если согласишься.

На мгновение в пещере стало тихо. Только море внизу шумело глухо и ровно.

Аэтий шагнул ближе к огню.

— Ты ещё спрашиваешь? Конечно, согласен! Для чего я целый год учился ездить верхом? Я теперь сажу в седле как настоящий скиф. Или рус?

— Скиф, сармат, алан, рус или русколанин — всё одно, — ответил Атей. — А на коне ты сидишь уже неплохо.

— Лучше, чем раньше?

Атей не выдержал и рассмеялся:

— Лучше. Раньше ты сидел на коне, как собака на заборе!

Оба расхохотались, и их смех эхом отразился от сводов пещеры.

— А почему десять полусотен?

— К Кохасийским горам, к Кийяру должны подойти десять сотен, полная ала, -тысяча всадников. Каждая выходящая полусотня — опытные воины, побывавшие в сражениях.

По дороге воевода и сотники наберут юнаков в городах и весях, проведут слаживание и учения.

— А мы с тобой?

— Будем пахать как рядовые юнаки, и снисхождений тут не жди! Можем получить по спине плетью от сотника, а то и от воеводы, что больнее.

Снаружи снова пронеслась чайка. Море дышало внизу, крепость Сурож белела вдали, а над юношами раскрывалось широкое небо — как обещание пути, который вот-вот начнётся.

Глава 9. Русколань

Раннее лето 408 года. Год Тёмного Соха.

В комнате, у князя Яровита над картой у стола двое: сам князь и Атей.

— Таких карт всего две, у меня и великого князя Дано. Ромеи, да и греки, многое бы дали. её хотя бы увидеть. — Смотри и запоминай.

Князь разворачивает карту. Перед взором Атея возникает Русколань — обширная земля, ядро Сарматии, часть Великой Скифии. С юго-запада Русколань начинается от Дона — Истра — Дуная, обходит Понт Эвксинский и Меотиду-Сурож, пересекает Дон, тянется к величественным Кохасийским горам, иначе именуемым Кафкасом.

Понт Эвксинский — именуется русколанцами Чёрным морем, колхами называется Морем Споров, озеро Меотида — Сурожским морем. Русколань-ядро Сарматии и Великой Скифии соединяет воды, степи и горные хребты в единое царство. Кафкас, раскинувшийся между берегов Чёрного и Каспийского морей, входит в её состав, словно каменный венец на челе державы.

На карте детально прорисованы очертания Тавриды — полуострова, выдающегося в морские просторы. Черными жилами прорезают землю реки: Вар — Непра, известная греков и ромеев как Борисфен, Дон уходящий на север и Ку-

ба, он же Гипанис, текущий с Кохасийских гор и впадающий двумя рукавами в оба моря: в Понт Эвксинский и Сурожское море.

Города и реки обозначены на карте князя Яровита двумя именами — русколанскими и греческими, как два слоя памяти на одной земле. Вдоль Непры-Вара отмечены города Метрополь и Сарум — летняя и зимняя столицы русколанских царей, выше по реке города Амадока, Белоброд, Новый Асгард/Асагарий. В центре полуострова Таврика показан Новгород, именуемый греками как Неаполь Скифский. Отмечена и Керкинитида — город скифский на западном берегу Херсонеса. На Тамани и восточном берегу Меотиды стоят городки Росия и Геруса. На правом берегу реки Кубы — крепость Корусия.

Князь ведет пальцем по реке Куба.

— Куба на местных языках означает «извилистая». — Говорят, стекает с самого Алатыря. — Вот и проверите.

Греческие названия напоминают о торговых путях и древних связях эллинов-ионийцев со скифами: Херсонес Таврический, Танаис и Танагра на Дону, Навар Скифский, он же Наварис у слияния Дона и Сиргиса — Верхнего Донца, Борисфенида на острове Березань. В предгорьях Кафкаса отмечены города-крепости: Яргард на реке Удон/Раса и Кияр, укрывшийся в отрогах двуглавой белоснежной горы Алатырь, которую со временем назовут Альбурс.

Глава 10. Поход на Дон и Алатырь

Лето 408 года. Год Тёмного Соха.

Из полевого лагеря, размещенного у городских ворот Метрополя, выдвигаются сколько сотен конных всадников. Доспехи поблёскивают, знамёна колышутся на ветру.

Впереди, на гнедых конях, едут Атей и Аэтий. Рядом с ними — воевода Васой. Лица суровы, движения уверены. Это не просто военный поход — это контрольный, дисциплинарный поход по городам и весям восточной, сарматской Русколани с демонстрацией царского флага. Основная цель — сбор дани и подготовка новых воев-юнаков для проведения осенних сборов, перед походом следующей весной за Дунай, в империю ромеев.

Конная армия движется от города к городу, словно прочерчивая живую линию по земле Русколани: Сарум — Метрополь — Херсонес — Новагород — Сурож — Корчин (Пантикапей) — Гермонасса — Росия — Геруса — Танаис — Танагра — Навар.

Далее путь лежит вдоль Дона, по степям у реки и озера Манач. Всадники поднимаются на плоскогорье и выходят к Яргарду на реке Раса — Удон. Оттуда — ещё дальше, к Кияру, в предгорья Кафкаса, напротив двуглавого Алатыря, чьи снежные вершины сверкают под небом, как символ силы и вечности.

Так карта становится живой. Земля — движением. А Рус-
колань — не просто пространством на пергаменте, но дер-
жавой, дышащей ветром степей и гулом конницы.

Глава 11. Алатырь

Лето 408 года. Год Огнегривого Коня.

Летний свет разлит над предгорьями Кохасийских гор — Кафкаса. Воздух прозрачен и сух, трава выжжена солнцем, а даль колышется в знойном мареве. Перед глазами Атея живая карта Пятигорской Русколани: складки холмов, русла рек, узкая дорога, уходящая от Яргарда на реке Раса — Удон — к крепости Кияру.

Конная ала, сотня за сотней, движется к сверкающему вдали двуглавному, белоснежному красавцу Алатырю. Всадники идут вытянутой лентой, разбитые на сотни. Над ними колышутся стяги, поблёскивают наконечники копий. Пыль мягко стелется по дороге, оседая на конских гривах и щитах. Белоснежные вершины Алатыря поднимаются над миром, как два крыла, застывшие в небесной высоте. Даже издалека гора кажется живой — она светится, словно хранит в себе древний огонь.

Впереди едут трое: Атей, Аэтий и воевода Васой. Их кони идут ровно, уверенно, словно чувствуют близость цели.

— Не думал, что на учениях будет так тяжело, — обращаясь к Атею негромко сказал Аэтий, так, чтобы не услышал воеводу, едущий слегка впереди них. — Думал не выдержу. Но Васой услышал.

— Тяжело в учении, легко в сражении, — откликнулся не

оборачиваясь.

— Зато теперь каждая сотня, как единое целое, — заметил Атей.

Атей поднимает взгляд к белеющей впереди двуглавой вершине.

— Алатырь, красавец! — произносит он негромко. — Что означает его имя?

Васой, не отрывая глаз от дороги, отвечает спокойно:

— Сияющий собор.

Аэтий щурится, всматриваясь в гору.

— Как далеко до него?

— Три дня конного пути, — говорит Васой.

В этот момент к ним стремительно подлетает сотник. Его конь тяжело дышит, грудь покрыта пеной.

— Разведчики прислали гонца, — докладывает он. — До Кияра не более двух часов пути.

Васой кивает, быстро оценивая положение.

— Всем спешиться. Привал. Отдыхаем один час.

Он поворачивается к Атею:

— К крепости подъедем свежими.

По цепи сотен разносится команда. Всадники сходят с коней. Кто-то ведёт их к воде, кто-то ослабляет подпруги. Люди садятся в тень редких деревьев, снимают шлемы, пьют из бурдюков. Тишина наполняется звоном удила, тихими голосами, стрекотом кузнечиков. А впереди, над холмами и степью, всё так же высится двуглавый Алатырь — сияющий со-

бор Русколанской земли, к которому ведет петляющая между холмов и гор дорога.

Глава 12. Дорога на Кияр

Лето 408 года. Год Огнегривого Коня.

Солнце стояло высоко, беспощадно заливая степную дорогу белым жаром. Пыль поднималась лёгким облаком из-под копыт и тянулась за конной алой длинной дымчатой лентой. Тысяча всадников двигалась ровно, сдержанно, без лишнего шума — только мерный гул копыт, скрип ремней да редкий звон оружия нарушали тишину летнего дня.

В голове строя шли воевода Васой, Атей, Аэтий, телохранители Анатрог и Зверьган. Их кони держали уверенный шаг, будто и сами понимали важность предстоящего.

Чуть позади держались несколько гонцов — на лёгких конях, подвижные, готовые в любую минуту сорваться вперёд или назад к сотням с приказом.

Дорога к Кияру уже начинала меняться: степная гладь уступала место холмам, изрезанным балками. Впереди, в зыбком мареве, темнела линия возвышенности — та самая гора, прикрывающая подступы к крепости.

Воевода Васой слегка придержав коня, поравнялся с Атеем. Лицо его было сосредоточенным.

— Прибыл второй гонец из разведки, — произнёс он негромко, но отчётливо. — Говорит, недалеко от крепости появились конные персы.

Атей чуть повернул голову, но взгляд его оставался на-

правленным вперёд.

— Персы? — коротко переспросил он.

— Думаю, — продолжал Васой, — они решили опередить Воибора и ударить по его полевому лагерю и Кияру, пока сбор войск не произошёл. Кроме нас, там должны были прибыть аланские сотни и осадники для проведения учений на развалинах крепостей и в горах.

Имя Воибора повисло в воздухе тяжёлым смыслом. Если персы действительно намерены нанести удар до соединения сил, значит, время работает против них.

Атей на мгновение задумался. Его конь фыркнул, встряхнул гривой.

— Как будем действовать, воевода?

Васой указал вперёд, туда, где перед крепостью поднималась гора.

— Перед Кияром с нашей стороны возвышенность. Подойдём скрытно, развернём сотни и посмотрим, что делают персы за горой. Пока не показываемся.

Он сделал паузу и добавил:

— А Воибору сообщим, что мы уже здесь.

Атей кивнул. Решение было верным: увидеть врага прежде, чем враг увидит тебя.

По рядам всадников тихо прошёл знак — едва заметные движения рук, короткие свистки сотников. Лента алы стала плотнее, строй подтянулся, сотни сложились. Гонцы приготовились к новому рывку. Далеко впереди, за холмом, скры-

вался Кияр. А где-то рядом с ним — персидская конница, возможно уже выжидающая момент для удара.

Степной ветер донёс запах нагретой травы и камня. Лето было в разгаре, воины, а вслед за ними и кони насторожились, почуяли опасность.

Глава 13. Засада

Лето 408 года. Год Огнегривого Коня.

Солнце стояло в зените и жгло степь беспощадным белым огнём. Дорога на Кияр тянулась через выжженую равнину, под копытами коней поднималась лёгкая, сухая пыль. Она стлалась позади конной алы длинной дымчатой полосой, будто след от медленно движущегося змея.

Тысяча всадников шла ровно, сдержанно. Ни криков, ни лишних разговоров — только глухой гул копыт, скрип кожаных ремней да редкий металлический звон оружия. Каждый понимал: впереди не просто крепость, впереди — неизвестность.

В голове строя держались Атей, Аэтий, Анатрог и Зверьган. Их кони шли уверенно, размеренно, будто чувствовали напряжение хозяев. Чуть позади — гонцы, лёгкие и внимательные, готовые в любой миг сорваться с места.

Степь постепенно менялась. Ровная гладь уступала место холмам, изрезанным глубокими балками. Воздух стал плотнее, тише. Впереди, в зыбком мареве, темнела возвышенность — гора, прикрывающая подступы к Кияру. За ней могла скрываться и крепость, и враг.

Из середины строя выехал воевода Васой и, прибавив шаг, поравнялся с Атеем. Лицо его было сосредоточено.

— Прибыл второй гонец из разведки, — произнёс он

негромко. — Недалеко от крепости появились конные персы.

Слово это прозвучало тяжело.

Атей чуть повернул голову.

— Персы?

— Думаю, они хотят опередить Воибора, — продолжал Васой. — Ударить по его полевому лагерю и Кияру, пока войска ещё не собраны.

Имя Воибора повисло в раскалённом воздухе. Если персы действительно решили действовать быстро, значит, счёт пошёл на минуты. Атей некоторое время молчал, всматриваясь в линию холмов. Его конь фыркнул, словно тоже чувствовал тревогу.

— Как будем действовать?

Васой указал вперёд:

— Перед крепостью с нашей стороны гора. Подойдём скрытно. Развернём сотни и посмотрим, что делают персы за ней. Пока не показываться. Пусть думают, что дорога пуста.

Он помедлил и добавил:

— А Воибору пошлём весть: мы уже здесь.

Атей кивнул. Лучший удар — тот, который враг не ждёт.

По рядам незаметно прошёл знак. Сотники передавали распоряжения короткими жестами. Лента алы сжалась, строй стал плотнее и тише. Гонцы приготовились к рывку в любую сторону.

Теперь всадники двигались осторожнее. Холмы прибли-

жались, скрывая обзор. Где-то за их гребнем могли стоять персидские разъезды. Могли быть расставлены дозоры. А могли — уже приготовленные к броску отряды.

Ветер донёс запах горячего камня и сухой травы. Всё вокруг словно затаилось.

Ала замедлила ход, приближаясь к подножию возвышенности. Здесь решалась не только судьба Кияра — здесь начиналась игра на опережение. И пока персы, возможно, выжидали удобного часа для удара, русколанская конница сама готовилась стать невидимой тенью за горой — засадой, которая обрушится внезапно.

Глава 14. Сражение с персами у Кияра

Лето 408 года. Год Огнегривого Коня.

С вершины горы Кияр и тележная крепость у её подножия были видны как на ладони. Круг из повозок, стянутых цепями и щитами, окружал полевой лагерь. Чуть поодаль темнели стены самого города. А дальше, на равнине, растянулись ряды персидской конницы. Они стояли уверенно, плотными линиями, не ожидая удара с высоты.

Но удар пришёл.

С правого склона, словно сорвавшийся с цепи степной ветер, налетела лёгкая конница лучников Атея. Первая сотня, не сбавляя хода, подняла луки. Воздух мгновенно наполнился свистом — одна линия стрел за другой обрушивалась на персов. Казалось, над их строем повисла туча.

В рядах врага возникла неразбериха. Удара с тыла и фланга они не ждали. Всадники падали с коней, поражённые стрелами; кони вставали на дыбы, рвали поводья. Однако около двух сотен персов, придя в себя, сорвались в погоню за первой сотней Атея, которая уже уводила их вниз, к крепости, мимо тележного круга.

И тут из-за повозок, почти в упор, вновь полетели стрелы. Персы оказались под перекрёстным огнём. Воевода Ва-

сой не упустил момента. Вторая сотня, скрытая до времени за горой, вывернулась во фланг и тыл тем, кто бросился в погоню. Удар был стремительным и точным.

Тяжёлая конница персов, стоявшая во второй линии, попыталась развернуться. Закованные в доспехи всадники старались разогнаться, чтобы ударить в лоб вынырнувшим русколанам. Но лёгкие лучники Атея уже рассыпались веером, уходя в ложбину справа, скрываясь за склоном.

И в этот миг с левого фланга раздался клич, от которого мороз прошёл по коже:

— Мар-р-ра! Мар-р-ра! Мар-р-ра!

Пять сотен тяжёлой полубронированной конницы Атея, с пиками, луками и длинными мечами, вылетели в тыл левого крыла персов. Удар был сокрушительным. Вражеский строй дрогнул.

Паника охватила многих, но катафрактарии — элита персидской конницы — держались стойко. Они выстроились полукругом у склона, выставив вперёд длинные копья и прикрываясь щитами от туч стрел. Их кони, защищённые бронёй, тяжело дышали. Бросившиеся ранее в погоню катафрактарии пытались вернуться, но подниматься по склону уставшим коням становилось всё труднее.

На северном гребне горы Атей, Аэтий и двое их неизменных телохранителей — Анатрог и Зверьган — выехали на правый выступ, чтобы оценить ход боя.

И именно тогда опасность ударила внезапно.

С вершины соседнего холма, вдоль ложбины, в линию выстроившись, мчалась группа персидских катафрактариев. Длинные пятиметровые копы-контосы были закреплены на плечах и груди коней. Бронированные всадники стремительно набирали скорость, приводя копы в боевое положение.

Они были защищены не чрезмерно — нагрудники, наручи, шлемы, небольшие щиты на левом плече. Но их копы казались страшнее любой брони.

Удар предназначался Атею и Аэтию.

Двух первых катафрактариев сразили почти в упор Зверьган и Анатрог — мощные луки коротко взвизгнули, и тяжёлые стрелы сбросили всадников из седел.

Но третий, прикрытый падающими телами, прорвался. Он вылетел прямо на склон, к Атею. Аэтий, не раздумывая, выхватил меч и бросился наперерез. Одним точным и сильным ударом он перерубил древко копы. Перс отбросил обломок, выхватил меч и, прикрываясь щитом, ринулся прямо на Атея. Гигант против пятнадцатилетнего юноши — исход казался очевидным.

В последний миг подоспел Зверьган. Его меч описал короткую, страшную дугу. Голова перса в стальном шлеме слетела с плеч и, ударившись о бедро Аэтия, скатилась по боку его коня вниз, покотившись по каменной осыпи. Кровь хлынула на грудь гиганта; его тело накренилось и безвольно уткнулось в круп коня.

В ту же секунду из ложбины вынырнула сотня Атея. Ту-

ча стрел остановила лаву оставшихся катафрактариев. Те, не выдержав, повернули назад, пытаясь уйти к своим. Русколаны догоняли их, некоторых стаскивали с коней арканами.

Внизу, у тележного круга, кипел бой. Из крепости вылетали новые сотни и били персов в тыл. Враг, не выдержав, начал прорываться в сторону дороги, ведущей к белеющим вдали горам.

На правом склоне, среди камней, лежало тело поверженного гиганта-перса. Анатрог поймал его коня и подвёл ближе.

— Повезло тебе, Атей, — сказал он. — Перс оказался левшой. Потому Аэтию и удалось перерубить древко.

Атей старался говорить спокойно, хотя кровь ещё шумела в висках.

— Если бы не Аэтий со Зверьганом, он бы снёс меня вместе с конём.

Зверьган поднял откатившуюся голову и подъехал к Аэтию.

— Возьмёшь? Твой первый.

— Скорее твой, — ответил Аэтий. — Голову снёс ты.

— Остановил его ты, — возразил Анатрог. — Поединок твой. Бери! У Зверьгана этих голов больше, чем пальцев на руках и ногах.

Зверьган, разглядывая лицо поверженного, усмехнулся:

— Похож на сакса...

— Ты других срубленных и не видел, — хмыкнул Ана-

трог.

Они рассмеялись. Атей и Аэтий смотрели на их перебранку с удивлением — так легко старшие воины относились к только что пережитой смерти.

И вдруг Атей, словно очнувшись, резко сказал:

— Моя сотня сражается, а мы стоим!

Он ударил пятками по бокам коня и понёсся вниз, к полю боя. За ним — Анатрог, Зверьган и Аэтий. Сражение у Кияра ещё не было окончено.

Глава 15. Встречник

Ранний вечер опускался на Кияр медленно и тяжело, словно и не желал касаться земли, ещё горячей от дневной сечи. Солнце клонилось к горам, и его косые лучи делали кровь на траве почти чёрной.

Атей, Аэтий, Анатрог и Зверьган возвращались к крепости. Их кони шли тяжело, опустив головы; на боках тёмными пятнами запеклась пена и кровь — чужая и своя. Люди тоже молчали. После боя слова становились ненужными.

Они проезжали мимо тележной крепости — круга повозок, за которыми днём держалась оборона. Теперь перед ним расстиралось поле, усеянное телами. Тут и там слышались стоны раненых. Лежали поверженные люди — русколаны и персы, — и кони, ещё вздрагивавшие в предсмертной судороге.

Сборщики трофеев методично обходили павших, снимая оружие и доспехи. Санитарные команды перевязывали раненых, поили их водой или, если было уже поздно, просто закрывали глаза. Лёгкоконные всадники ловили по полю обезумевших коней, оставшихся без хозяев; животные шарахались, храпели, не понимая, что произошло.

Над всем этим висел густой запах крови, пота и пыли.

Атей ехал молча, сжав поводья. Он видел всё — и впервые так ясно понимал цену победы. Рядом Аэтий, тоже притих-

ший, смотрел вперёд, будто боялся вновь обернуться к тому месту, где ещё недавно решалась их судьба.

Когда они приблизились к воротам крепости, навстречу им выехали два всадника. Они двигались уверенно, без спешки, как люди, знающие, кого ищут.

Старший из них, приблизившись, склонил голову.

— Я от Воибора, — сказал он. — Он ждёт вас во дворце. Дорогу покажу.

Его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась срочность.

Встречники развернули коней и направились внутрь крепости. Атей коротко кивнул спутникам, и они последовали за ними. Кияр встречал их шумом — глухим, усталым. По улицам спешили воины, несли раненых, переговаривались сотники. Где-то уже начинали складывать оружие, где-то ещё звучали распоряжения. Вечер приносил передышку, но не покой.

Дворец Воибора возвышался в глубине крепости — каменный, строгий, с высокими воротами. На его стенах играли отблески закатного света. Кони глухо стучали копытами по утрамбованной земле двора. Атей почувствовал, как усталость внезапно навалилась всей тяжестью — будто только сейчас, в относительной тишине крепости, тело позволило себе осознать пережитое.

Встречник остановился у входа.

— Он ждёт, — повторил он.

Атей глубоко вдохнул. Сражение было выиграно, но впереди, он это неожиданно остро почувствовал, что впереди его ждут и другие, не менее страшные и опасные.

Всадники спешили и направились ко дворцу Воибора.

Глава 16. Воибор

На следующий день во дворце Кияра стояла уже иная тишина — не тревожная, как перед боем, и не тяжёлая, как после него, а деловая, сосредоточенная. Сквозь узкое окно в покои лился мягкий утренний свет.

Князь Воибор стоял у окна, глядя на двор крепости. Внизу сновали люди, чинили сбрую, выносили щиты, переговаривались сотники. Жизнь возвращалась в привычное русло.

Дверь тихо отворилась. Вошёл Атей.

Воибор обернулся, и его суровое лицо сразу смягчилось. Он шагнул навстречу племяннику и крепко обнял его.

— Здрав будь, племянник! — сказал он тепло. — Вчера вечером нам с тобой так и не дали поговорить. Сам понимаешь, день был не из простых. Садись.

Они прошли к широкому столу, богато уставленному яствами: запечённое мясо, рыба, овощи, хлеб, сыр, зелень, кувшины с питьём.

— Мед питьевой или вино? — спросил Воибор. — Всё наше, сами делаем. Есть и греческое.

— Мед, — ответил Атей.

— Мед крепкий, — усмехнулся князь. — Не то, что греколанская кислятина. Но тебе пятнадцать-то есть?

— Есть.

— Тогда взрослый. Можно.

Он разлил янтарный напиток в кубки, поднял свой.

— За встречу!

— За встречу!

Они отпили и поставили кубки на стол.

Некоторое время Воибор молчал, разглядывая племянника.

— Твоего отца, моего старшего брата, я видел в последний раз перед его уходом в Галлию. Ему было девятнадцать. — Голос его стал тише. — Шесть лет назад мы должны были встретиться у среднего брата, Яровита, в Саруме. Мы ждали его, но пришла печальная весть из Бастарнских гор.

Атей кивнул.

— Мы с матерью узнали через месяц, от купцов. Мне было восемь. Мама Милица не сразу сказала. Но я почувствовал, что что-то не так. Пристал к ней.. и она рассказала. Откуда взялись слёзы — не понимаю. Детство было счастливым. Я не умел плакать.

Воибор тяжело вздохнул.

— Весть о гибели твоего отца привёз в Сарум Васой — твой нынешний воевода. Дано и Яровит хотели казнить его — за то, что не уберёг брата. Я отстоял. И не жалею. Сегодня его действия были выше всяких похвал. Я ждал подмоги из Русколани Сарматской, но они подойдут только через неделю. Так что вы с Васоем подросли вовремя.

— Яровит установил сроки нашего возвращения, — сказал Атей. — Мы уже собирались от Яргарда поворачивать на

Таврику. Но все захотели посмотреть на Алатырь поближе. Так что мы приехали посмотреть на гору.

— Посмотрели? — усмехнулся Воибор.

— Посмотрели.

Оба рассмеялись.

— Часто персы так наведываются? — спросил Атей.

— Нечасто. И вчерашние — в основном конные. Остальные — наёмная мешанина из племён Кафкаса.

— А разбойники?

— Бывали. Раньше налетали на селения вокруг Кияра. Мы прошлись по их гнёздам — подчистую подмели. Теперь тихо.

Атей помедлил.

— А вы сами в набеги не ходили?

Воибор усмехнулся, откинулся на спинку лавки.

— Ходили. Лет десять назад. Армяне обратились к нашим, в Горную Россию, в Месхату. Мол, персы теснить начали. В Месхате войск мало — позвали нас. Мы собрали большой конный корпус и ушли через Сарматские ворота за Кафкас. А персов там... не оказалось.

— Как? — удивился Атей. — Куда они делись?

— Армяне сказали, что, узнав о нашем приближении, персы ушли на юго-восток. В Персию.

— И вы вернулись?

— Нет. Армянские вожди сообщили, что их земли у Каппадокии разоряют ромеи. Мы пошли туда, вышибли ромеев

— их оказалось немного. Потом прошли Каппадокию, Киликию, Сирию. Дошли до Антиохии.

Он замолчал, вспоминая.

— И тут с севера двинулись легионы ромеев из Константинополя. А с юга и востока — армии персов. Нам перерезали старую дорогу назад, к озеру Ван.

— Это была ловушка?

— Да. Потери были. Но мы другой дорогой через Армянское нагорье и Дербентский проход. А позже через купцов узнали, кто нас туда втянул.

— И кто?

— Префект Руфин при императоре Аркадии. Восточная армия тогда ушла на запад к Стилихону и Гонорию — бороться с очередным узурпатором в Галлии. А в это время гот Аларикс прошёл Иллирик, весь Пелопоннес до Фермопил и Афин. Афины заплатили ему откуп. Он взял Аргос, Спарту, Коринф — и там получил своё.

— А вы?

— И мы не в обиде на Руфина, — усмехнулся Воибор. — Когда-то вся Малая Азия и Сирия с Белестиной принадлежали нашим пращурам. Так что мы просто взяли налог с ромеев за пользование землёй.

Они рассмеялись.

— Только вот Руфин плохо кончил, — добавил князь. — Гот Гайна привёл Восточную армию к Константинополю. У ворот их встречали император Аркадий и сам Руфин. И там

же Гайна зарубил его — прямо на глазах императора. Говорят, по приказу Стилихона.

— А Аркадий?

— Промолчал.

— О как!

— Попробовал бы возразить... Легионеры и ему что-нибудь отрубили бы. Купцы говорят, у них из трёх императоров двое умирают не своей смертью.

— Как Цезарь?

— У них традиция такая.

Снова смех.

Атей задумался.

— А как сейчас ромеи называют Кафкас и твою Русколань Аланскую?

— Горы называют Мосхийскими. Видел как-то ромейскую карту — через весь Кафкас и Русколань тянется надпись *Divali Moschetici*.

— И что это значит?

— Может, земля мосхетов. Или москов. Может, поэтому крепость в Горной Руссии зовётся Месхата.

Атей усмехнулся:

— Значит, мы у ромеев ещё и моски?

— Для греков мы скифы, для ромеев — сарматы. А мы русы и аланы. А ещё — моски.

— На севере, в Ярконе, у Венедского залива нас называют венедами и вандалами, а ещё говорят ранее наших щуров и

пращуров называли ваннами.

Воибор улыбнулся шире.

— Ну, ванн, вандал и венет, это одно и то же. Да, племяш. У нас много имён. Наши пращуры называли наш народ по имени первого царя, которого именовали Коло Ксай, Солнце-Царь. Так что мы еще и колоты.

— Отец говорил, что наших предков называют соколоты, по главному тотему — сокола падающего с небес на добычу.

Воибор улыбнулся.

— Колоты или соколоты одно и то же, ведь сокол падает на добычу из под Коло-солнца.

Воибор посмотрел на Атея внимательно и серьёзно.

— И хотя земля у нас обширна, но одна. Сила наша — в единстве всех родственных народов и союзников. Как бы нас ни называли. — А теперь расскажи о том как и где познакомились твои отец и мать, как вы там на Дунае и в Арконе жили, а то я об этом почти ничего не знаю, немного по рассказам купцов, да от воевод вернувшихся из Галлии.

— Да и я не всё знаю, так по рассказам отца и матери, учителя Ратши, пока не подрос.

— Рассказывай что знаешь. Я твоего отца, моего брата князя Мунтемиира живым видел, молодым, почти отроком, когда он уходил в поход, в Галлию. А было это почти четверть века назад. За это время мои дети выросли, а в Русколани новое поколение воинов появилось.

— Хорошо, начну с похода, о нём мне отец рассказывал.

Глава 17. Из Сарматии в Галлию. Поход

Лето 384 года. Год Шипящего Ужа по тотемному календарю вендов.

Если бы можно было подняться высоко в небо, туда, где парит орёл, то взору открылась бы длинная, живая лента — конная армия сарматов, медленно текущая через лесостепь. Сотни, тысячи всадников. Копья, колышущиеся в такт шагу коней. Щиты, вспыхивающие отблесками молний. Бегущие рядом сторожевые псы.

Над землёй нависало грозное небо. Тучи, тяжёлые и тёмные, собирались над дальними горами, и в их глубине сверкал холодный огонь.

Это было войско царя Велемира — победителя остроготов, владыки русколан и сарматов, отправленное далеко на запад по договору с Феодосием Старшим, которого воины называли Испанцем. Ромеи заплатили щедро: за каждого сарматского всадника уходящего в поход на багаудов и франков — жалованье римского кавалериста золотыми солидами за полтора года.

В авангарде войска ехали двое.

Воевода Васой — двадцати семи лет, на гнедом коне, тёмном, как вечерняя степь. И царевич Мунтемир — девятна-

дцатилетний, на белом, словно вырезанном из облака жеребце. Молодость и опыт, горячность и расчёт.

Мунтемир с раздражением смотрел вперёд, туда, где синели горы.

— Вместо того чтобы идти громить ромеев, страну рабов, — произнёс он, перекрывая шум ветра, — мы исполняем их волю. Унимаем багаудов и франков в Галлии. Уйдем и наживем врагов. А они такие же, как и мы. Для ромеев все варвары.

Васой усмехнулся, не оборачиваясь.

— За каждого всадника ромеи платят Русколани золотом. За один поход каждому всаднику выплачивают жалованье римского кавалериста за полтора года. И зерно — четыре лукона в неделю на каждые две пары коней.

— А должно было быть семь луков на четыре боевых коня, — откликнулся Мунтемир.

— Другим и этого не дают, — спокойно ответил воевода. — Весной и летом травы вдоволь. Зачем тащить лишний груз? Или мотаться за Донаву к ромейским крепостям за зерном?

Он поднял руку и указал вперёд.

На горизонте вырастали горы — тёмные, изломанные, будто спины спящих великанов.

— Бастарнские Альпы они же Венедские горы. Но их всё чаще называют Карпатами.

— Почему Карпатами? — спросил царевич.

— В этих горах живёт народ — карпы. Есть и гора Карпата. От неё и имя. Так говорят.

Мунтемир всмотрелся в синюю даль.

— Через какой перевал пойдём?

— Разведка вернётся — решим. Но, скорее всего, через перевал Путь Русов.

— Почему через него?

Васой посмотрел на юношу долгим взглядом.

— Наши предки через него тысячу лет ходили. И ногами, и копытами их коней этот путь проложен. По следам крови и славы. И мы пройдем. Спустимся вдоль Тейши к Донаве.

— Ромеи Донаву Данубием зовут, — заметил Мунтемир.

— Данубиусом, — поправил Васой с лёгкой насмешкой.

— У них всё на «ус» кончается.

— Или на «ум».

Оба рассмеялись — коротко, по-мужски. Смех растворился в грохоте далёкого грома.

Войско двигалось дальше. Кони фыркали, тянулись к траве, но не сбавляли шага. Копья качались, будто колосья под ветром. Знамёна с падающим на добычу соколом, тотемом русколан — трепетали на ветру.

Снова, если бы подняться высоко, можно было бы увидеть эту длинную ленту — она тянулась к западу, к закату, к землям Галлии. К новым битвам. И над движущимся войском сверкали молнии, словно небеса тоже знали: этот путь — не только к далеким землям, но и к судьбе, которая изменит их

всех.

Глава 18. Возвращение из Галлии на Дунай.

385 год. Галлия. Год Крадущегося Лиса по тотемному календарю вендов.

Синее небо стояло высоко и чисто, как натянутый щит. Под ним раскинулась широкая галльская степь, прорезанная рекой, что текла между холмами, поросшими лесом на востоке. Утренний свет ложился на воду серебряной полосой.

Вдоль реки двигалась конная армия сарматов.

Их было много — тысячи. Копья покачивались в такт шагу, на щитах мерцали знаки родов. Боевые псы, жилистые, с узкими мордами, бежали рядом, иногда срываясь вперёд и возвращаясь обратно. В конце колонны тянулись конные, крытые повозки со снаряжением — связки копий, запасные луки, меха с зерном и солью.

На одном из холмов, чуть в стороне от дороги, стояла группа всадников на крупных, высоких конях. Они наблюдали за движением армии. Среди них выделялись двое: один на белом коне, другой на гнедом.

На белом — царевич Мунтемир, которому исполнилось двадцать. На гнедом — воевода Васой, на несколько лет старше.

Васой смотрел на войско внимательно, словно пересчитывал не людей, а возможности.

— У нас пока нет таких сил, чтобы завоевать всю империю ромеев, да и надо ли? — продолжая давний спор с Мун-

темиром. — А за поход в Галлию они заплатили щедро.

Мунтемир прищурился, глядя вдаль, туда, где за горизонтом лежали южные земли.

— А я бы сходил за Данубий. В Италию. На их новую столицу — Медиолан. Или на старую. — Рим.

В голосе его не было ни доли шутки.

Васой усмехнулся.

— Вот потому царь Велемир и прикрепил меня к тебе. Чтобы ты не рванул к столицам империи освобождать рабов.

— Рано или поздно я разнесу вдребезги эту империю рабов, — упрямо ответил Мунтемир. — Отцу обещал. Ещё когда был маленьким.

Васой бросил на него косой взгляд.

— Раз обещал — придётся выполнять.

Они переглянулись и рассмеялись. Смех прозвучал легко, но под ним чувствовалась сталь.

Мунтемир снова посмотрел на движущуюся колонну.

— Неужели Велемир распустит нашу галльскую армию? Закалённую в боях..

— Нет, — покачал головой Васой. — Основа останется. Сегодня гонцы привезли распоряжение царя. Большая часть женатых отправляется к семьям в Русколань. Часть юнаков размещается в опорных крепостях вдоль линии Данубия. Замена уже пришла, стоит в крепостях вдоль Дуная. А замена тоже не лыком шитая. Многие на персов и ромеев за Кохасийские горы ходили.

— И как будет происходить связь между крепостями, если ромеи перейдут Донаву? — спросил Мунтемир. — Гонцами? Или голубиной почтой?

— Голубиная почта здесь пока не налажена, — ответил Васой. — А ромеи за Данубий теперь не ходят. Легионов из самих ромеев здесь нет. Остались только местные пограничники — лимитаны.

Мунтемир кивнул на запад.

— После нашего ухода на Дунай, франки, да и саксы, могут пойти через Ренус в Северную Галлию. А алеманы и новые лугари — новолунги, что теперь называют себя бургунами, — двинуться в Нарбоннскую Галлию.

Васой нахмурился.

— Это уже дело ромеев. Я сейчас уже думаю о другом, о том, как защитить наши городки и селения между крепостями по Дунайской линии.

Мунтемир, с задором юности, откликнулся:

— Это просто. Старым дедовским способом. Сливанием. Десятки соединяются в турмы по тридцать всадников. Турмы сходятся в сотни. Сотни — в тысячи. И движутся вдоль линии к ближайшей крепости. Там формируют ударный кулак и бьют по врагу.

Он говорил это так, словно видел перед собой не степь, не горы, а уже развернувшееся сражение. Васой посмотрел на Мунтемира и продолжил свою мысль.

— За каждой тысячей закрепляется земля между опорны-

ми пунктами. Тебе отдают под охрану город-крепость Преслав, крепость Девин — на слиянии Донавы и Меровии и городки по рекам Дий и Киевка. Выше по Дунаю до границ Марки Русов, включая Вендобону. Так что ты теперь здесь воевода и тысяцкий. Места тебе определили знатные.

— Чем же знатные?

Васой позволил себе лёгкую улыбку.

— Здесь проходит Янтарный Путь. Торг, движение, слухи со всех сторон света. А в Девине стоит пара сотен амазонок.

Мунтемир удивлённо поднял брови.

— Разве амазонки ещё водятся?

— На Дону, говорят, остались, а эти почти все местные — ответил Васой. — В сражениях участвуют только тогда, когда враг приходит к слиянию Дуная и Моравы. Воюют вместе с мужами. А сейчас гоняют скамаров-разбойников... под нашим прикрытием.

Мунтемир усмехнулся, представив себе это «прикрытие».

— А тебя куда?

— А меня переводят ниже по Дунаю, в Аквинкум и Контраквинкум. Туда, где Дунай идущий на восход меняет направление на полдень.

Оба всадника останавливаются на возвышении у реки и наблюдают как внизу, в долине, конная лента медленно изгибается и скрывается за холмами. За ней тянутся повозки, бегут псы, оседает пыль, поднятая конницей. Войско растворяется в складках земли, словно река, уходящая в каменные

берега.

Глава 18. Милица

385 год. Год Крадущегося Лиса.

Крепость Девин у слияния рек Меровии/Моравы и Дуная — Донавы.

Солнце стоит высоко, заливая золотистым светом волнистые холмы, поросшие густой

травой и кустарниками. Вдали, внизу, вырисовывается старинная крепость — молчаливый свидетель минувших эпох. За ней, словно серебряная лента, блестит река, а на дальнем фоне величественно высятся горы.

По дороге, извивающейся между холмами, неспешно движутся три всадника. Молодые вооруженные сарматы в форме армии уннов на крепких боевых конях. В центре едет Мунтемир, двадцатилетний воин, явно старший по рагу, что подчеркивала его одежда, белый конь и его сбруя. По бокам его сопровождали два всадника чуть постарше: Увар и Остой. Они неторопливо осматривали окрестности, перебрасываясь редкими фразами.

Вдруг мимо них промелькнула фигура на гнедом коне. Всадники лишь успели заметить, что это девушка: за спиной у неё был лук с колчаном, на боку — короткий меч акинак. — Сможешь догнать? — бросил Увар Мунтемиру.

Вместо ответа тот прищипорил коня и ринулся в погоню. Увар и Остой перешли на рысь, наблюдая, как их товарищ

пытается настичь незнакомку. Однако конь девушки оказался резвее, несмотря на все усилия Мунтемира и его коня, расстояние между ними только увеличивалось.

Когда всадница влетела на мост барбакан, перекинутый через ров, она невольно замедлила ход. В тот же миг ворота крепости поднялись, а едва она оказалась внутри, тут же опустились. Мунтемир доскакал до моста, подъехал к воротам и остановился. Соскочив с коня, он стукнул в дверь рядом с глазком — небольшим круглым окошком. Глазок приоткрылся, и за ним угадывался силуэт девушки

— Эй, девица, не подкажешь, как зовут ту заразу, что недавно в ворота въехала? — спросил Мунтемир.

— Догонишь — сам спросишь! — раздался насмешливый ответ.

— А за серебряный?

— Дешево же ты её оценил! А с виду — сын царский! А золотой не пожалеешь?

К воротам подъехали Увар и Остой. Мунтемир, не колеблясь, достал из кармана золотую монету и передал её через глазок.

— Милица её зовут! — произнесла дежурная амазонка, забирая монету, и тут же скрылась, захлопнув окошечко.

— Ох ты, золотого не пожалел! — вздохнул Увар, увидев, как уходит монета.

— Не догнал, да ещё и солид отдал, — с улыбкой заметил Остой. — Богат ты, брат у нас. А вдруг она не зараза, а

страшная, как кикимора, и вся в шрамах?

— Больно резвый у неё жеребец, — пробормотал Мунтемир.

— А у тебя? — поинтересовался Увар.

— Она уходила от меня так, будто я стоял на месте!

— Нам с холма было хорошо видно, — вставил Остой.

— Думаю, что и в крепости тоже заметили, — добавил Увар.

— А кто там в крепости? — спросил Мунтемир.

— Говорят, какие то поляницы амазонки, — ответил Увар.

— Их вроде бы как век или два уже как нет, — усомнился Мунтемир.

— Да нет, не исчезли, — возразил Остой. — Говорят, на берегах Дона ещё водятся. Не перевелись. Эти, наверное, оттуда.

— Нет, Воевода говорил, что эти местные, из Норика.

— Но я её должен найти и догнать! — твёрдо произнёс Мунтемир. — Просто у меня конь притомился...

— Не должен, — покачал головой Остой. — Мы проехали от Преслава не спеша примерно семь поприщ, или, что то же самое, семь ромейских миль.

— У тебя отличный конь, но он парадный, какой и положен царевичу, — заметил Увар. — Но, всё же, по тому, как она от тебя уходила, на нём ты её не догонишь.

— Да она просто ничего не весит по сравнению с Мунте-

миром! — усмехнулся Остой.

— Не скажи! — возразил Увар. — Я видел, девушка крепкая. Сильная. Не удивлюсь, если окажется поляницей.

— А я знаю, где можно коня и порезвее найти, — сказал Остой. — Есть такое место. Но поторговаться придётся. У воеводы савиров-северцев есть такой — и не один, а два. Одного, может, и отдаст. За двенадцать золотых монет.

— За двенадцать?! — воскликнул Увар.

— За двенадцать, а могут и двадцать попросить, — пояснил Остой. — Таких коней немного.

— В аланской сотне у пятигорцев есть кони не хуже, — вставил Увар. — Можно и за десятку сторговаться.

— Возьмём и за двадцать, если он того будет стоить! — решительно заявил Мунтемир. — Найдите мне такого коня, чтобы летел как ветер! И прошу про эту погоню в Преславе ни слова, никому. Я же первый помощник ратного воеводы...

Мунтемир развернул коня от ворот. Увар и Остой последовали за ним.

— Возвращаемся в Преслав! — бросил Мунтемир, и всадники двинулись обратно по той же дороге, оставляя позади крепость, реку и горы, словно застывшие в вечном молчании.

Глава 19. Атей и Милица

385 год. Год Крадущегося Лиса. У крепости Девин, на слиянии Моравы — Меровии и Дуная.

Летний день стоял ясный и звонкий. Дорога, извиваясь между холмами, вела к крепости Девин, чьи стены белели над широкой рекой, блестящей под солнцем. Трава по обочинам колыхалась от ветра, а в воздухе стоял сухой запах пыли и прогретого камня.

По этой дороге во весь опор мчалась Милица.

Её конь, лёгкий и стремительный, будто сам был рождён ветром. Девушка сидела в седле прямо, уверенно, не оглядываясь, но прекрасно зная — за ней гонятся. За спиной всё ближе раздавался дробный стук копыт.

Царевич на новом, но уже гнедом коне настигал её с упрямством, достойным иного сражения. Конь под ним был свеж и горяч, аланской породы, вывезенный из Пятигорья, — сильный, с длинной шеей и гордым поставом головы. Мунтемир, пригнулся к гриве, чувствуя, как ветер хлещет по лицу, и, догнав девушку, крикнул, перекрывая стук копыт: — Милица, стой!

Она перевела коня на рысь, потом остановилась и развернулась. В её глазах не было ни страха, ни раздражения — только живое любопытство. Лёгкая усмешка тронула губы. — Откуда моё имя знаешь?

Мунтемир остановился напротив, переводя дух. Сердце его билось не столько от скачки, сколько от близости этой девушки — амазонки, о которой уже ходили легенды.

— Купил, — ответил он, стараясь говорить спокойно.

Брови Милицы взлетели.

— Как купил? Моё имя не продаётся.

— Дежурная у ворот не хотела говорить. Пришлось золотой отдать.

Она коротко рассмеялась — звонко, по-девичьи.

— Жалеешь теперь небось?

— Нет, — твёрдо сказал он. — Не жалею.

Она окинула его внимательным взглядом — от дорогой сбруи до ухоженной гривы коня.

— Смотрю, и конь у тебя новый. Тоже купил?

— Купил.

— Чтобы меня догнать?

Он чуть улыбнулся:

— Да.

Милица покачала головой.

— Дорого же эта погоня тебе обошлась. И имя, и конь.

— Она ласково похлопала своего по шее. — А конь у тебя и вправду хорош. Ты первый, кто моего догнал. Откуда твой?

— Аланский. Из Пятигорья.

Она кивнула с уважением.

— Теперь понятно. А мой дончак, да я и сама с Дона.

— Как с Дона? А мне воевода сказал, что амазонки в кре-

пости из местных.

— Да нет. Разные здесь. Отец по торговым делам сюда прибыл и я с ним, да вот задержалась, гоняя скамаров. — И как же тебя зовут, царевич?

— Мунтемир. А почему ты решила, что я царевич?

Милица рассмеялась ещё раз, щурясь на солнце.

— Да кто же у нас на белых-то конях ездит?

— Да он гнедой.

— Но первый-то был белым, я заметила.

Над крепостью медленно плыли облака. Лето стояло в полном разгаре. На горизонте сходились воды Донавы и Меровии — широкие, тяжёлые, словно два пути, предназначенные слиться в один. Над стенами Девина мерцал воздух, и казалось, сама земля затаила дыхание.

Среди амазонок существовал древний закон: воительница могла выйти замуж лишь тогда, когда доказала свою доблесть в бою и поразила хотя бы одного врага. Милица своё право заслужила. Она не была ни трофеем, ни наградой — только равной.

И потому их союз не стал ни случайностью, ни прихотью юности. Он начался с погони — дерзкой, стремительной, как сама судьба. И завершился выбором.

Милица ещё раз посмотрела на Мунтемира — теперь уже не как на настойчивого преследователя и умелого воина сумевшего её догнать, а как на мужчину. Оба понимали, что нравятся друг другу. Выбор был сделан.

Глава 20. Прибрежный ветерок

Лето 393 года — года Жалящего Шершня.

Над стенами крепости Девин клубились лёгкие облака, а внизу, у слияния рек, мерцала вода. Ветер с равнины приносил запах трав и далёкой реки, но в одной из каменных комнат крепости было прохладно и одновременно жарко.

Милица рожала.

Семь лет назад она легко перенесла появление на свет дочери — Браницы. Тогда всё казалось проще, быстрее. Теперь же каждый вздох давался с усилием, каждая схватка отзывалась глухой болью в теле. Амазонка, не дрогнувшая в бою, сжимала зубы и терпела, не позволяя себе ни крика, ни стоны — лишь крепче стискивала край полотна.

Повитуха шептала древние слова, служанки подносили воду, за окном перекликались стражники. Время будто растянулось.

А затем раздался первый крик — тонкий, но уверенный.

Повитуха подняла младенца, и на её лице появилась улыбка.

— Сын.

Весть быстро достигла Мунтемира. Ещё недавно просто царевич, а ныне воевода и князь, настигший когда-то гордую амазонку на дороге, — вошёл в комнату почти торжественно, но в глазах его светилось совсем не княжеское достоин-

ство, а простая, человеческая радость.

Он бережно принял из рук повитухи запелёнутого мальчика. Маленькое лицо было сморщенным и серьёзным, крохотные пальцы сжимались в кулачки, будто уже готовые держать поводья или меч.

— Наконец-то сын, — произнёс он, не скрывая счастья.
— Долго же мы тебя с Милицей ждали.

Милица устало, но светло улыбнулась. Лицо её было бледным, волосы прилипли ко лбу, но в глазах стояла тихая победа.

— Семь лет назад у нас появилась дочь Бранница. Будет кому присматривать за малышом.

При имени дочери Мунтемир кивнул.

— Да, да, Бранница умница, — сказал он, не отрывая взгляда от новорождённого. — А его назовём Вентил. От слова *ventulus* — «прибрежный ветерок».

Он произнёс это имя так, словно уже видел перед собой не младенца, а юношу, стоящего на морском берегу под развевающимися знамёнами.

Милица тихо повторила:

— Вентил.

И в её голосе зазвучало одобрение.

— Хорошее имя ты ему даёшь, Мунтемир. Твои и мои пращуры всегда жили у Киммерийского моря.

Море было в их памяти — в песнях, в сказаниях, в тоске по далёким берегам. Оно звало, даже когда они находились

среди рек и холмов.

Мунтемир осторожно передал сына матери.

— У моря и будем жить, — твёрдо сказал он. — Великие князья и жрецы из Ярконы предложили мне стать князем Северной Фризии. А это — у самого Моря Фризов.

Он произнёс это как решение, уже принятое сердцем.

За стенами крепости шумел ветер. Где-то далеко, за реками и равнинами, плескались холодные воды северного моря. И, словно в знак согласия с данным именем, лёгкий сквозняк пробежал по комнате, коснулся колыбели и шевельнул край пелёнки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.